

Поскольку накануне вечером Хэ Чжэньшу лёг спать рано, утром он проснулся до восхода солнца.

За окном лишь светлело, а во дворе уже неугомонно щебетала какая-то птица — звеняще, пронзительно, будто нарочно будила всех вокруг.

Хэ Чжэньшу протёр глаза, сладко потянулся... и, открыв их, замер.

Совсем рядом, опасно близко, лежало лицо — бледное, с лёгкой тенью под глазами, и чуть нахмуренными бровями.

Пэй Чанлинь...

А он, обхватив его руками и ногами, прижимал к себе так крепко, словно боялся отпустить.

«!!!»

Хэ Чжэньшу не был похож на других шуаньеров, которые бывали дома ещё до замужества, он никогда не был так близко к другому мужчине. От потрясения юноша подпрыгнул, в панике отодвинулся, и со всего маху стукнулся спиной о стену.

«Ай!» - вскрикнул он, поморщился и, не зная, куда деваться, возмутился: «Ты что...»

Он уже собрался отчитать Пэя Чанлиня за то что тот воспользовался им, но в ту же секунду вспомнил, что кажется, это он сам вчера сказал, что «только немного полежит».

А потом...

Наверное, всё-таки уснул.

Хэ Чжэньшу опешил.

«Всё равно!» - пробормотал он, смотря на мужчину. «Всё равно ты не должен был ложиться рядом, да ещё так близко! Разве не знаешь, что благородный человек должен быть почтителен, сдержан и держать дистанцию между мужчиной и женщиной — э... то есть между... между людьми!»

Он сказал всё это на одном дыхании, едва не запутавшись в собственных словах.

Пэй Чанлинь же оставался неподвижен, глаза его были закрыты, дыхание ровным.

Неужели спит?

Хэ Чжэньшу неуверенно потянулся, кончиками пальцев коснулся его лба. Не горячий.

В тот же миг мужчина чуть отвернул голову, уходя от его руки. Глухо, с хрипотцой, произнёс:

«Что ты делаешь?..»

Его голос прозвучал тише обычного — хриловато, будто с ночи ещё не отогрелся.

Хэ Чжэньшу сказал:

«Проверяю, нет ли у тебя температуры....»

Когда первый испуг прошёл, он сам понял, как преувеличенно себя повёл.

За несколько прожитых «жизней» он успел убедиться, что этот болезненный человек из тех, кто скорее умрёт, чем воспользуется чужой слабостью.

А если бы даже и захотел?..

С его-то здоровьем — что он сумеет?

От этой мысли Хэ Чжэньшу даже повеселел. Он бодро продолжил:

«Раз всё в порядке, нечего валяться! Пойдём прогуляемся, похоже сегодня будет солнечный день».

Пэй Чанлин из тех, кто целыми днями сидит в доме, и будь он совершенно здоров, то давно бы устал от духоты и бездействия. Поэтому Хэ Чжэньшу твёрдо решил: теперь он будет вытаскивать его на солнце каждый день. И подышит, и разомнётся.

Но тот даже не открыл глаз.

Повернулся на другой бок, и тихо ответил:

«Не пойду».

Хэ Чжэньшу, наоборот, выпался на славу и теперь полон сил. Он потянул одеяло, подполз ближе, осторожно ткнул пальцем в его щёку:

«Ну правда, не пойдёшь? Пошли хоть немного пройдемся. Глядишь, по дороге найдём какой-нибудь хороший обломок дерева. Ты ведь не любишь работать с чужими отходами, верно?»

Пэй Чанлинь лежал к нему спиной, не шевелясь и не отвечая.

Этой ночью Хэ Чжэньшу спал как убитый, а вот Пэй Чанлиню покоя не было вовсе.

К постели, где он привык спать один, прибавился ещё один человек, и только это уже мешало ему уснуть. А когда он только лёг, это парень вцепился в него руками и ногами...

Полночи он так и провёл в объятиях чужого сна. Толкал — бесполезно. Маленькое тело, лёгкое, мягкое, тёплое, прижималось к нему, будто живая грелка, и от этого становилось только труднее дышать.

Не сказать, чтобы это было неприятно.

...Но именно это и раздражало больше всего.

Так Пэй Чанлин впервые в жизни узнал, что значит не сомкнуть глаз до рассвета. Лишь под утро, когда небо стало бледнеть, он наконец-то уснул. Хэ Чжэньшу, конечно, ничего об этом не знал.

Позвав его пару раз и не услышав ответа, он осторожно перелез через Пэй Чанлиня, стараясь не разбудить его, и тихо спустился с кровати.

Через несколько минут, уже одетый и приглаженный, он вернулся к кровати и тихонько сказал:

«Тогда я приду чуть позже, ты поспи ещё часик... нет, полчаса».

Пэй Чанлинь, не открывая глаз, перевернулся лицом к стене, явно не намерен был его слушать.

Хэ Чжэньшу только покачал головой и вздохнул:

«Эх, больное тело... Один день выдержал, и всё... сдался».

Он тихо усмехнулся и вышел, оставив за собой лёгкий запах утреннего холода и вчерашнего настоя трав.

Хэ Чжэньшу считал, что встал сегодня довольно рано, но, закончив умываться и прибравшись, выйдя во двор, он увидел, что Пэй Ланьчжи и её муж Чжоу Юань уже всюю были заняты делами.

«Угол у стены ещё не подмёл! Нет, не там — левее!» - Пэй Ланьчжи сидела под навесом и

плела соломенные сандалии, время от времени поглядывая на мужа, что подметал двор. «Столько времени прошло, а руки всё такие же неуклюжие. Вот скажи, как я вообще тебя выбрала?»

Чжоу Юань парой движений собрал листья у стены и, подняв голову, с улыбкой ответил:

«Так ведь повезло тебе со мной!»

«Ещё и хвастается...» - цокнула языком Пэй Ланьчжи, но на губах всё равно мелькнула улыбка.

Хэ Чжэньшу на мгновение застыл, чувствуя, что в такой домашней, тёплой сцене он будет лишним. Но не успев спрятаться, как большой чёрный пёс, лежавший посреди двора, заметил его и, виляя хвостом, радостно бросился к нему на навстречу.

Собака была крупная, сильная, и от одного её прыжка Хэ Чжэньшу отступил назад на несколько шагов.

«Ладно, ладно...» - он засмеялся, глядя зверя по голове. Подняв взгляд, вежливо поздоровался:

«Доброе утро, сестрица, шурина».

«Ты уже проснулся? Хорошо отдохнул?» - спросил Чжоу Юань.

Хэ Чжэньшу кивнул:

«Одохнул, спасибо, шурина».

Пэй Ланьчжи подняла глаза:

«А Чанлинь ещё не проснулся?»

«Ещё нет» - машинально ответил Хэ Чжэньшу, не вдаваясь в подробности.

Тело у Пэй Чанлиня слабое — во сколько бы он ни проснулся, никто его не торопил.

Хэ Чжэньшу, ведя за собой большую чёрную собаку, прошёл во двор. Увидев, что курятник ещё не убран, он велел Дахэю идти обратно в будку и взял маленький веник, чтобы навести порядок самому.

Чжоу Юань, закончив подметать двор, оглянулся и, увидев, как Хэ Чжэньшу работает, невольно вздохнул:

«Домашние дела всё-таки лучше поручать таким, как вы — у вас руки аккуратные, всё делаете

тщательно, хорошо».

«Меньше лести» - отозвалась Пэй Ланьчжи не поднимая головы и не отвлекаясь от работы.
«Просто сам ты невнимательный и неаккуратный».

Чжоу Юань почесал затылок, не переставая улыбаться:

«Ладно, пойду в поле».

В деревне Сяхэ в основном выращивали пшеницу. Сеяли её в сентябре, а собирали только в мае следующего года, так что именно осень и поздняя весна были самыми напряжёнными.

Сейчас же, до начала лета, была передышка, но и в «свободно время» в поле всегда находилась работа. С потеплением Чжоу Юань с женой посадили на огороде много овощей и теперь как раз появились всходы, требующие постоянного ухода. Схватив мотыгу на плечо, Чжоу Юань отправился на поле.

Хэ Чжэньшу, убравшись в курятнике, увидел, что во дворе больше нечего делать, и сказал:

«Я выведу Дахэя прогуляться».

Деревенские собаки в основном бегали на воле, но Дахэй, огромный и грозный на вид, мог кого-нибудь напугать, поэтому его держали взаперти.

«Сегодня должен прийти лекарь-сборщик, - напомнила Пэй Ланьчжи, - если встретишь его, приведи к нам».

«Хорошо, я подожду его у входа в деревню» - ответил Хэ Чжэньшу.

Он немного задержался дома, и когда вышел, утреннее небо уже окрасилось в розоватые тона рассвета.

Хэ Чжэньшу шёл по деревне с Дахэем, замечая, что на него украдкой поглядывают.

В это время почти все уже встали: многие женщины и шуаньеры (мужчины с женскими признаками) вынесли табуретки к порогу и работали руками и болтали с соседями.

Хэ Чжэньшу был новеньким в деревне. Он женился всего несколько дней назад, да и в день свадьбы сидел под красным покрывалом, так что его почти никто толком не видел.

Любопытство было естественным.

«Это и есть новый супруг из семьи Пэй? Красавец, надо признать. Как же он согласился выйти за такого...» - зашептала одна женщина.

«Тс-с! Потихе, - одёрнула её подруга, - видишь, он с собакой, вдруг та тебя тяпнет!»

«Да-да, слышала» - откликнулась одна из женщин, понизив голос. «Говорят, вчера он чуть не покусал старика Лю! Только пожил-то тут несколько дней, а уже спускает собаку на людей. Недаром говорят — с городскими не сладишь, заносчивые все».

Брови Хэ Чжэньшу слегка дрогнули. Он опустил взгляд и негромко позвал:

«Дахэй».

Пёс тут же послушно отозвался:

«Гав! Гав!»

Он не был злым, просто крупный, с хриловатым, мощным лаем, от которого даже смельчак вздрогнул бы. Женщины и шуаньеры, сидевшие у ворот, вскрикнули, в испуге вжались в стены и поспешно убежали обратно во дворы.

Хэ Чжэньшу, не обращая ни на кого внимания, вышел из деревни и поднялся на дамбу у въезда.

Эта дамба была работа рук отца Пэя, старого плотника, который когда-то участвовал в её строительстве.

Деревня Сяхэ стояла вдоль реки, а поскольку располагалась в нижнем течении, она раньше сильнее других страдала от наводнений. Говорили, что несколько лет назад глава соседнего уезда сумел придумать способ укротить воду — изменил русло верхнего течения и разделил поток, чтобы снизить давление на нижние участки.

Старые дамбы, построенные в те годы, сохранились и по сей день.

С вершины дамбы открывался хороший вид: над каждым домом поднимался тонкий дымок утренних очагов, в полях уже трудились люди, а по дороге ведущей из деревни шли жители, с корзинами на спинах, которые направлялись на утренний рынок продавать свои товары.

Хэ Чжэньшу невольно задумался. Говорят, «в бедных горах и дурных водах — буйные люди». Хэ Чжэньшу не думал, что жители деревни Сяхэ питают к нему какую-либо неприязнь, а просто недопонимание. Как и в первый раз, когда он женился на Пэй, его отношение к семье было скверным, и между ними возникало много конфликтов.

Теперь же у него была одна цель — вылечить Пэя Чанлиня, а не тратить силы на ссоры.

Он стоял, глядя в даль, где поднимался утренний дым, когда внизу, в пшеничном поле, Дахэй, до того весело гонявшийся за своим хвостом, вдруг насторожился, остановился и залаял, разрывая утреннюю тишину.

Хэ Чжэньшу повернул голову — у края поля стоял человек.

«Невестка, это я!»— окликнул его тот.

То был худенький подросток лет четырнадцати-пятнадцати, с тёмной, обожжённой солнцем кожей и тощей, гибкой, как у обезьяны, фигурой.

Он собирался подойти ближе, но Дахэй вновь громко зарычал и рванулся вперёд, не спуская глаз с незнакомца.

«Дахэй!» - строго окликнул пса Хэ Чжэньшу.

Парня звали Дунцзы, и Хэ Чжэньшу его знал.

Дунцзы был не из этой деревни. Его нашли, когда он ещё был в пелёнках, кто-то из крестьян наткнулся на него в поле. А поскольку это случилось в день начала зимы (праздник Лидун), мальчика назвали Дунцзы — «зимний ребёнок».

В те годы деревни вокруг были ещё беднее, чем сейчас. Многим семьям нечего было есть, и случаи, когда после рождения младенца бросали, были нередки. Деревня Сяхэ тоже жила бедно, ни у кого не было лишних средств, чтобы растить ещё одного ребёнка. Но на улице тогда стоял страшный мороз: если бы младенца снова выбросили, он бы не прожил и двух часов.

В итоге староста деревни решил оставить ребёнка и Дунцзы рос во всём селе, ел «сто ложек риса» (жил на то, что дадут в разных домах).

Он вырос умным, бойким и умел нравиться людям. Когда увидел, что Хэ Чжэньшу приехал в деревню издалека и никого здесь не знает, сам подошёл первым и завязал с ним знакомство.

Так было во всех жизнях.

После того как Хэ Чжэньшу строго окликнул, Дахэй сразу успокоился, поджал хвост и, поскуливая, стал тереться о его ногу. Дунцзы, воспользовавшись моментом, ловко поднялся на дамбу.

«Никогда не видел такой злопамятной собаки» - пробормотал он, присев на корточки у реки.

Обычно Дахэй почти не лаял на людей. Вчера он напугал Лю Лаосаня только потому, что Хэ Чжэньшу нарочно велел. Но стоило подойти Дунцзы, и пёс тут же начинал лаять, никакие команды не помогали.

Конечно, на то были причины.

Когда Дунцзы был ребёнком, он, измученный голодом, однажды украл несколько початков кукурузы с огорода семьи Пэй. Его поймал Дахэй и гнал от окраины деревни до самого конца, пока тот не выдохся. Пэй- плотник тогда просто отвёл мальчишку к старосте, чтобы тот наказал его, и он не принял это близко к сердцу, но Дахэй был недоволен. Даже спустя столько лет он всё ещё злился, когда видел его.

«Невестка, ты же всего несколько дней в деревне?» — недоумевал Дунцзы. «Почему эта собака так тебя слушается?»

Хэ Чжэньшу держал в руке соломинку пшеницы и играл с Дахэем. Услышав вопрос, он чуть замялся и неуверенно ответил:

«Наверное, просто... сошлись характерами».

Ему самому это казалось странным.

Дахэй был очень предан своему хозяину, и когда Хэ Чжэньшу впервые женился на Пэй, собака была к нему очень насторожена. Но с каждой прожитой жизнью его отношение становилось всё мягче, а в этой, нынешней, Дахэй едва увидев его, тут же кидался обниматься, слушался безукоризненно и ни на шаг не отходил.

Порой Хэ Чжэньшу даже казалось, будто Дахэй знает его давным-давно.

«А вот я, выходит, не сошёлся с ним характерами» - вздохнул Дунцзы.

Хэ Чжэньшу улыбнулся и спросил:

«Ты это, что ли, из деревни уходишь?»

«Ага» - Дунцзы хлопнул ладонью по серпу, что висел у него на поясе. «Пойду помочь тётке Ван с окраины, она свиньям траву косит. Дядя Ван уехал работать в город, она осталась дома одна, не справляется».

В детстве Дунцзы жил по очереди у всех в деревне, ел «сотню мисок риса». Когда подрос, крестьяне собрали немного денег и построили ему маленькую глиняную хижину, чтобы было

где жить. Последние годы он перебивается случайными подработками в деревне, помогает то одной семье, то другой, за еду и одежду.

«А почему не поищешь работу в городе?» - спросил Хэ Чжэньшу.

«Да кому я там нужен» - отозвался Дунцзы, выдернув травинку и сунув её в рот. «В городе берут только взрослых, сильных, а я мелкий. Да и работа там временная — день есть, день нет. Что толку...»

Он почесал затылок и не договорил.

Хэ Чжэньшу и сам понял, о чём тот умолчал.

Дунцзы уже давно хотел учиться ремеслу у плотника Пэя. Тот когда-то и правда взял его на пару дней в помощники, но быстро понял, что у парня к делу нет способностей. А ещё Дахэй его не любил — вот и не сложилось.

Но Дунцзы не оставил надежды: при каждом удобном случае он обращался к плотнику Пэю, чтобы проявить свою вежливость.

С Хэ Чжэньшу он тоже сблизился не просто так, наверняка надеялся, что тот замолвит за него словечко.

Вот только Пэй Чанлинь теперь болен, а плотник и собственного зятя не может толком обучать, где уж ему учеников брать.

Дунцзы сменил тему:

«Невестка, а ты чего так рано сюда пришёл?»

«Вчера в горах насобирал немного трав» - ответил Хэ Чжэньшу. «Вот жду лекарственного скупщика».

«Это того, по фамилии Ли?» - уточнил Дунцзы. Он давно жил в деревне, потому знал, о ком речь. «Слышал, человек он непростой, ты с ним поосторожней, не дай бог, обманет».

Хэ Чжэньшу усмехнулся:

«Откуда ты это услышал?»

«Тётка Ван и остальные тоже так говорят» - ответил Дунцзы. «Этот, по фамилии Ли, любит наживаться на других. Он всегда старается как-то сбить цену. Он известный грубиян, который

запугивает только слабых и боится сильных. Деревенские жители давно от него устали. Если бы городская аптека брала травы на развес, все бы возили их в город на продажу».

В прошлых жизнях Хэ Чжэньшу с этим торговцем травами напрямую дела не имел, так что о его привычках не знал. Но ведь он сам из купеческой семьи, и таких людей видел немало, справиться должен.

Дунцзы торопился, бежал косить траву, поэтому, поболтав с Хэ Чжэньшу пару минут, ушёл.

Прошло около получаса, и вдали наконец послышался звон. Хэ Чжэньшу поднял голову и увидел, как кто-то медленно едет по полю на бычьей повозке, ударяя по дороге в сломанный гонг, висевший на передней части повозки. Такой звук был знаком: приезжал скупщик лекарственных трав. Услышав звон, крестьяне знали, что пора выносить высушенные травы..

Хэ Чжэньшу велел Дахэя поиграть в пшеничное поле, чтобы не пугать чужака, а сам спрыгнул с дамбы и направился навстречу.

«Продаю травы» - сказал он.

Скупщик оказался мужчиной средних лет, в одной белой холщовой майке, с чёрными от солнца руками и плечами.

Остановив повозку у дороги, он окинул Хэ Чжэньшу взглядом сверху донизу и присвистнул:

«Ого... А я и не знал, что в Сяхэцунь есть такие красавицы. Недавно замуж вышел, что ли?»

Губы Хэ Чжэньшу чуть дрогнули, ему было неприятно это развязное, оценивающее выражение.

Торговец был почти ровесник его отца.

Он не стал отвечать на подкол, а спокойно повторил:

«Вы травы покупаете или нет?»

«Ты сперва скажи, что за травы продаёшь» - сказал торговец задрав подбородок. «Хочешь продать, а сам даже товар не вынес. Мне, что ли, ещё по домам бегать? Сразу предупреждаю: сейчас времена тугие, за дикорастущие травы много не дам. Если бы не то, что все в округе ждут, чтобы сбыть урожай, я бы и не стал сюда ехать».

Хэ Чжэньшу не хотел с ним долго препираться и небрежно ответил:

«Тысячелый лист. За него можно получить хорошую цену».

Торговец удивлённо приподнял брови, но уходить не спешил. С нарочитым сомнением протянул:

«В это время года тысячеслойный лист, говоришь...»

Хэ Чжэньшу перебил его:

«Травы, что у меня, отличного качества. Все листья молодые, около двадцати дней с момента всхода — самое то для лекарств. Пойдём, взглянешь сам».

Торговец почесал подбородок.

Деревенские-то люди в травах не разбираются: даже если часто собирают, качество всегда разное. На этом торговцы и наживаются, они находят изъян и сбивают цену.

А этот маленький шуаньер выглядел так, будто знает, о чём говорит.

Если пойти к нему домой и правда увидеть, что товар хорош, о каком уж торге может быть речь?

Торговец быстро придумал, как выкрутиться, и сказал:

«Мой бык в последнее время прихрамывает, так что если хочешь, чтобы я заехал в деревню, давай-ка сначала цену обсудим. Ну? Сколько хочешь за свои травы?»

Продавать ли лекарственные травы решал не Хэ Чжэньшу, и не ему положено было называть цену, поэтому он спросил в ответ:

«А сколько ты предлагаешь?»

Торговец показал пальцами:

«Пятьдесят юаней за растение. Я возьму всё, что у тебя есть, независимо от качества».

«Слишком дёшево, — спокойно ответил Хэ Чжэньшу, - в аптеке в уезде за такую траву дадут не меньше ста юаней»

Эту цену он знал из прошлой жизни.

Если только не находился кто-то, кому срочно нужно было продать травы, аптеки в городке обычно покупали тысячеслойный лист по сто — сто двадцать юаней за куст.

«Сто юаней за куст? Да ты, похоже, на солнце перегрелся! - вдруг заорал торговец. «Что ты

понимаешь в этом, маленький шуаньер?! Эта трава столько не стоит! У вас что, дома мужика нет, что тебя, ничего не понимающего, отпустили болтаться по улице?!»

Он закричал так громко, что все вокруг — и те, кто работал в поле, и те, кто с корзинами шёл к городу, и даже женщины у ворот, которые шили одежду и обувь, обернулись на них.

Брови Хэ Чжэньшу плотно сдвинулись.

Положение шуаньеров и без того низкое, а в глухих горных деревнях — тем более. Местные шуаньеры обычно даже слова не смели сказать постороннему мужчине, не говоря уже о том, чтобы спорить с кем-то при всех. Любой другой, с более мягким характером, наверняка растерялся бы и сразу уступил.

Хэ Чжэньшу нахмурился ещё сильнее. Он прекрасно понял, на что этот человек намекает, и мгновенно вспыхнул от гнева:

«Я отлично знаю, сколько стоит это лекарственное растение. Если вы так себя ведёте, значит нам с вами не о чем говорить».

«Это ты так решил, что не о чем говорить? - презрительно усмехнулся торговец. «Шувань, подумай хорошенько. В округе только я скупаю травы. Если сегодня не продашь, потом я к вам даже на порог не зайду. Посмотрим, как ты тогда перед своим мужем оправдываться будешь!»

«Ты!..» - Хэ Чжэньшу задохнулся от возмущения.

Он видел в жизни немало людей, в его семье торговали книгами, а значит, общались в основном с учёными и чиновниками. Пусть у тех и хватало хитрости, но на словах они всегда держали себя вежливо и прилично.

А этот — просто хам, да ещё и бессовестный. Но хуже всего было то, что он ведь не соврал.

Если торговец не возьмёт у них травы, он, конечно, мог бы сам отнести их в уезд — потратит время, но продаст. Однако если тот потом из злобы перестанет закупать у их семьи совсем, перед Пэй Ланьчжи ему будет сложно оправдаться.

А если уступит сейчас, значит, продаст за бесценок.

Торговец, видя его колебания, расплылся в самодовольной ухмылке и даже откинулся на сиденье, развалившись с видом победителя.

Хэ Чжэньшу так разозлился, что у него буквально задрожали руки.

И в этот момент за его спиной вдруг раздался голос:

«Мы не будем продавать».

Хэ Чжэньшу обернулся, и увидел что к нему медленно подошёл высокий, худой мужчина.

«Ты это...» Торговец лекарственными травами нечасто видел Пэй Чанлиня: тот редко выходил из дома, поэтому даже человек, годами скупавший травы по деревням, не сразу его узнал. Он прищурился, внимательно пригляделся и, наконец, вспомнил: «Так ты же второй сын из семьи плотника Пэя? А этот шувань тогда...»

Пэй Чанлин спокойно произнёс:

«Он мой муж».

Он взял Хэ Чжэньшу за руку и, собираясь уходить, сказал:

«Мы не продаём. До свидания».

«Эй, подождите!» Травник поспешно спрыгнул с повозки и загородил им дорогу, снова натянув на лицо угодливую улыбку:

«Так это же семья Пэев! Да я с госпожой Пэй уже сколько лет веду дела, мы старые знакомые! Даже свой ящик для трав я заказал у вашего отца, плотника Пэя, он собственноручно его сделал!»

Он повернулся к Хэ Чжэньшу:

«Ай, ну что ты, шувань, надо же было сразу сказать, что ты из семьи Пэев, вот и не было бы никаких недоразумений! Всё это ошибка, ошибка!»

Хэ Чжэньшу, чувствуя в ладони тёплую руку Пэй Чанлиня, отвернулся и промолчал.

Он чуть было и сам не забыл, что отец этого «слабого больного» был лучшим плотником во всей округе, и многие в радиусе десяти вёрст зависели от его мастерства. Ссориться с семьёй Пэев никто не осмеливался.

«Мы не продаём» - холодно повторил Пэй Чанлин. «Уезжай».

Он взял Хэ Чжэньшу за руку и повёл обратно, но торговец травами всё ещё кричал им вслед:

«Эй, парень из семьи Пэев, не уходи! Давай ещё поговорим! Шестьдесят монет, как тебе? Ладно, ладно, восемьдесят! Восемьдесят — это уже край, больше не дам!»

Пэй Чанлин даже не обернулся.

Держа Хэ Чжэньшу за руку, он окликнул Дахэя, который, забыв обо всём, гонялся за бабочками в пшеничном поле. Пёс, не понимая, что произошло, радостно залаял и, подбежав, стал весело бегать вокруг них, будто ещё хотел играть. Пэй Чанлин легонько пнул его ногой.

«Глупая собака» - тихо выругался он и, не оборачиваясь, увёл Хэ Чжэньшу обратно в деревню.

<http://bllate.org/book/14476/1280767>